

нейшего промышленного предприятия страны. В суровые годы войны на «заводе заводов» изготавливались уникальные запчасти для доменных печей, прокатных станов, дробилок и т.д., без которых остановилась бы черная металлургия, становой хребет всей оборонной промышленности.

Литература:

1. Сперанский А.В. Священная война // Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург, 2008.
2. Музруков Б.Г. Уралмашзавод к 30-летию Великого Октября // Технический вестник по обмену производственным опытом. Свердловск, 1947. №4;
3. Овсянников М.Г. Уралмаш – гордость советской страны // Технический вестник по обмену производственным опытом. Свердловск, 1948. №3;
4. Агеев С.С., Сперанский А.В. На огневом рубеже. Раздел II // Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008. С. 242.
5. Швецов Б.Б. Артиллерийское производство на Уралмашзаводе. Историческая справка. Ч. I. С. 42.

УДК 3-05

ББК С.53-44

ГСНТИ 03.27

Код ВАК 07.00.03

С.Н. Стрижак

Черкассы (Украина)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УССР 1920-Х – 1930-Х ГГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исследования, интеллигенция, научно-педагогические кадры, учителя.

АННОТАЦИЯ:Статья посвящена выяснению с современной позиции специфических особенностей эволюции социально-профессионального типа учительской и научно-педагогической интеллигенции УССР в условиях тоталитарного режима 1920 – 1930-х гг.

E.M. Strizhak

Cherkassy (Ukraine)

**SOCIAL PORTRAIT OF WORKERS
HIGH AND HIGHER SCHOOL OF UKSSR
OF 1920'S – 1930'S.**

KEY WORDS: research, intelligence, scientific and pedagogical staff, teachers.

ANNOTATION: The article is devoted to clarify the specific features evolution of the socio-professional type of teaching and scientific pedagogical intelligence of the UkSSR from the modern position under the totalitarian regime of 1920's – 1930's.

Историография проблемы кадрового обеспечения средней и высшей школы УССР 1920 – 1930-х гг. начала формироваться практически синхронно с процессом становления новой советской школы в республике и была тесно связана с формулировкой идеологами правящей коммунистической партии собственного отношения к работникам умственного труда, в частности и в их многочисленного отряда – образовательной и научно-педагогической интеллигенции. Исследуется эта проблема и в современный период. В свое время к этой проблеме обращались такие ученые как Ю. Ларин, И. Хаит, С. Кафтанов, Ю. Курносов и А. Бондарь, А. Лутченко, С. Федюкин, В. Пастухов, В. Майборода, И. Клицаков, В. Даниленко, А. ВИСовень, М. ВИговский, Г. Касьянов, В. Марочко и Г. Хиллинг, О.Тарапон, А. СИТников, В. Липинский [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25].

По официальной советской статистике всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. количество профессорско-преподавательского состава и научных республики за 13 лет между переписями выросла более чем в шесть раз; учителей общеобразовательных школ УССР стало больше в 3,5 раза [3. С. 94 – 95]. Но статистические "достижения" были ложными и характеризовали лишь количественную сторону дела. С качественной точки зрения ситуация выглядела катастрофической. Значительная часть преподавателей высшей школы, ученых и учителей результате малоквалифицированности и несоответствия должностям подлежали за-мене.

Лозунг "Кадры решают все!", которое выдвинуло большевистское руководство в начале 1930-х гг., в полной мере касалось интеллигенции и даже начало воплощаться в жизнь еще в конце 1920-х гг. Под этим лозунгом на протяжении 1930-х гг. произошли кардинальные трансформации в составе интеллигенции Украины. Подытоживая характер и направление этих изменений, можно выделить основные моменты процесса "новой советской интеллигенции", прежде всего профессорско-преподавательской научной и учительской.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. появилась так называемая "кадровая проблема". В советской историографии ее появление традиционно объяснялась "большим скачком 1930-х", расширением потребностей общественного производства в специалистах, а также необходимостью подготовки "классово близкой интеллигенции". Даже учитывая эти аргументы, все же нельзя объяснить катастрофического дефицита специалистов в 1930-х гг. Отвергая сталинские инсинуации относительно "вредительства старой интеллигенции" и принимая за вероятную гипотезу о действительном дефиците как следствие быстрого, интенсивного и экстенсивного развития производства, следует добавить к этому еще некоторые соображения.

Прежде всего, проблема кадров была во многом искусственной. Ведь лозунг интенсивной подготовки "преданной делу пролетариата" интеллигенции было следствием большевистских бюрократических мистификаций о "вредительстве". Переход от нэпа к привычным большевистским принципам военно-коммунистического администрирования в народнохозяйственной области и вызванная этим экономическая катастрофа в конце 1920-х гг. породили миф о "вредительстве" "старой интеллигенции". На базе этого мифа и строилась новая политика создания "новой интеллигенции". Этот курс в определенной степени действительно совпал с ростом реальных потребностей общества в расширенном воспроизводстве кадров работников умственного труда и дал этой политике характер объективной обусловленности.

Массовым отрядом отечественных работников умственного труда была учительская и профессорско-преподавательская интеллигенция. Учитывая решающее влияние, которое оказывали эти профессиональные группы на воспитание и подготовку новых по-

колений учащейся и студенческой молодежи – будущих поколений "граждан страны Советов" – "строителей коммунизма" – большевистская администрация в союзном центре – Москве – и на республиканской периферии, в частности в УССР, особенно тщательно отслеживала ситуацию в этих профессиональных отрядах интеллигенции, отбраковывая (путем репрессий, лишения должностей и др.) в целом представителей старшего поколения отечественного учительства, преимущественно национально сознательного и антисоветски настроенного, с опытом участия в государственном-культурном строительстве времен Украинской Народной Республики – Западно-Украинской Народной Республики, Украинского Государства П. Скоропадского.

Искусственный характер проблемы интеллектуальных кадров вырос в середине 1930-х гг., когда опять начались массовые репрессии против специалистов, против интеллигенции вообще.

В 1930-х гг. происходил быстрый рост бюрократического аппарата государства, поскольку строгая централизация производства и распределения нуждалась колоссальной армии чиновничества. Определенная часть работников умственного труда, в том числе и педагогов, мигрировала к этому бюрократическому аппарату и выходила за рамки материального или духовного производства, становясь частью советской номенклатуры. Поэтому отличительной чертой советской действительности 1930-х гг. стали перманентные кампании административного "возвращения" бывших учителей или лиц с профессиональным педагогическим образованием к учительскому труду, а, следовательно и перманентному побегу (добровольной миграции) вчерашних учителей из школьных должностей к спокойным и престижным общественным занятиям.

Проблема кадров, в том числе и образовательной интеллигенции, подпитывалась их средним невысоким качественным уровнем, что нарушало любые предреволюционные профессионально-образовательные стандарты. Высококвалифицированный инженер или педагог с опытом и соответствующим специальным образованием "легко" (за Сталиным – "незаменимых людей нет") заменялся двумя-тремя малоквалифицированными "полуроботниками", то же самое происходило и в управленческих структурах. Поскольку система производства, образования и управления перманентно расширялась, по крайней мере в течение 1920-1930-х гг. автоматичес-

ки возникала проблема (подготовки и воспитания) новых кадров, образовывало замкнутый круг перманентной подготовки серой массы малоквалифицированных "работников умственного труда".

Перманентно и широко используя в идеологической риторике пропагандистские сравнения "достижений" советской администрации с временами царизма, 1913 г. и др., коммунистическая пропаганда одновременно "стыдливо забывала" о бесполезных для себя сравнениях. Ведь на подготовку одного специалиста в советское время тратилось втрое-вчетверо меньше средств, чем при дореволюционных временах. В частности, до Первой мировой войны подготовка врача на территории империи Романовых стоила ежегодно 201 руб., а в середине 1920-х гг. – 94 руб. (46,76%); педагога соответственно – 207 и 69 руб. (33,3%); инженера – 306 и 73 руб. (23,85%) [24. С. 26].

В системе подготовки "новой интеллигенции" приоритеты коммунистической администрации лежали не в плоскости профессионального уровня этой интеллигенции, а взамен его социального происхождения. Сталинская верхушка партии, поддерживаемая партийной бюрократией, использовала революционный лозунг подготовки "народной интеллигенции" из рабочих и крестьян с целью воспитания преданной тоталитарному государству интеллектуальной массы. Конечно, это делалось полусознательно с точки зрения выбора исторической перспективы. Цель, поставленная верхушкой компартийной бюрократии, – создание "социально близкого" интеллигенции, была, наконец, достигнута в середине 1930-х гг. Конституцией СССР 1936 г. провозглашался факт создания новой, советской, рабоче-крестьянской интеллигенции. Она и вправду была новой, а по социальному происхождению – рабоче-крестьянской. Однако за собственными социальными функциями она никак не отражала интересов рабочих и крестьян и была, за незначительными исключениями, вполне поставлена на служение тоталитарному государству. Значительная часть этой интеллигенции пополняла ряды советской бюрократической элиты, получая таким образом право на часть привилегий, которые ей давало тоталитарное государство, поэтому верно служила коммунистическому режиму, но никак не "интересам рабочих и крестьян", хотя этот лозунг и не сходил со страниц советской официальной периодики.

В период 1930-х годов в Украине была создана не рабоче-крестьянская интеллигенция, в том числе и образовательная, а только ее суррогат. Искаженный и гипертрофированный "классовый подход", положенный в основу формирования этой "новой интеллигенции», заменил систему профессионально-этических стандартов с общецивилизационных на декларируемые "классовые".

Среди форм такой оперативной подготовки преданной власти интеллигенции отличался (поскольку был направлен на формирование большевистской интеллектуальной элиты) общесоюзный проект Института красной профессуры (ИЧП) при ЦК ВКП (б), который имел и украинскую версию – ИЧП при ВУЦИК [7].

После победного для себя завершения гражданской войны и освоения значительной части территории бывшей империи Романовых, в том числе территорий Приднепровской Украины, власть крайне нуждалась в квалифицированных научных работниках, преподавателях, работниках идеологического и советского аппаратов, которые бы обслуживали потребности господствующей партии. С этой целью была основана сеть соответствующих учреждений: в Москве – Коммунистическая академия (1918 – 1936), Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1918 – 1932), Институт красной профессуры (1921 – 1936), Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924 – 1930); в Харькове – Коммунистический университет им. Артема (1922 – 1938), украинский Институт марксизма-ленинизма (1922 – 1931), собственный Институт красной профессуры (1932 – 1937), Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов (1931 – 1936) [11. С. 60 – 75] и др.

Показательно "революционным" символическим названием – Институт красной профессуры – большевистская администрация делала сознательный упор на маркантной антитезе – противопоставлении "красных профессоров" профессорам привычным/нормативным, которые были объявлены "старыми", "буржуазными".

Опасаясь и не доверяя старой профессуре (в лучшем случае лишь лояльной к власти, а в значительной мере и враждебной к ней), большевистское руководство пришло к выводу, что жизненно необходимо воспитать собственную, убежденно коммунистиче-

скую "красную профессию", которая училась у лидеров ВКП (б) марксистско-ленинской теории и одновременно перенимала у традиционной профессуры фактические знания. Следовательно, получив надлежащее профессиональное обучение, "красные профессора" призваны были заменить "буржуазных профессоров" и гарантировать дело "коммунистического воспитания" новых советских поколений [20. С. 113 – 120].

В первый год своего существования ИЧП не имел отделений. С 1922 г. появились отделения: экономическое, историческое и философское; с 1924 г. – права и с 1926 г. – историко-партийное отделение. Наборы 1921 – 1929 гг. поставляли в московский ИЧП от 75 до 140 слушателей, преимущественно лиц с высшим образованием и партийным билетом в кармане. Учебный процесс проходил в форме лекций и семинаров. Курс обучения был трехлетним. По его завершении слушатели сдавали государственные экзамены. Каждый зачисленный в московский ИЧП брался на учет как номенклатурный работник ЦК ВКП (б) и затем попадал в картотеки "руководящего актива". Учитывая уровень профессорско-преподавательского состава, среди которого были лучшие беспартийные и партийные ученые, руководители ВКП (б) и Коминтерна, достаточно высокие и жесткие академические требования к поступающим, московский ИЧП действительно мог претендовать на неофициальное звание "теоретического штаба" ЦК ВКП (б) [2. С. 135]. "Теоретический штаб" ЦК – ИЧП действительно поставил немало ценных кадров как Сталину, так и его противникам. Так, в списке противников сталинского режима, по А. Авторханову, насчитывалось до сотни имен московских "красных профессоров" [2. С.135]. Республиканский ИЧП ограничился, очевидно, воспитанием нескольких более или менее известных диссидентов.

Украинский аналог московского ИЧП – харьковский (впоследствии киевский) Институт красной профессуры был лишь бледной копией московского прототипа, но, тем не менее, создавался с аналогичных властных соображений и был призван обслуживать политико-идеологические и образовательно-пропагандистские потребности КП(б)У – юго-западного филиала всесоюзной ВКП (б) [1. С. 27 – 28].

ИЧП был высшим учебным заведением УССР, главной целью которого компартийное руководство республики определило

ускоренную подготовку высококвалифицированных марксистских кадров для научной, преподавательской и практической работы в народном хозяйстве и различных участках культурного строительства, в области политэкономии, "гражданской" истории, истории ВКП (б) и КП (б)У, философии, советского строительства и права и литературы. Новоиспеченные "красные профессора" были призваны ликвидировать кадровый "прорыв" в обществоведческой области, вытеснив оттуда остатки старой профессуры и заполнить многочисленные вакансии, образовавшиеся в результате голодомора 1932 – 1933 гг., кадровых "чисток", инициированных сталинским посланником П.П. Постышевым и направленных в частности против "скрипниковщины", "яворины" и других многочисленных националистических уклонов, особо опасных, по мнению московского руководства, в гуманитарной сфере советской Украины.

В подавляющем же большинстве бывшие воспитанники ИЧП обычно пополняли ряды отличительных для советской образовательной системы 1920-1930-х годов "полурабочников" (М. Скрипник) – полуинтеллигентов, что им нужно было еще до 10 лет после получения формального диплома о "высшем образовании", чтобы стать полноценным специалистом [24. С. 27]. Разумеется, даже спустя десятилетия далеко не каждый вчерашний "красный профессор" платил выданный ему в 1930-х гг. кредит доверия. Следовательно, наряду с группой способной и перспективной научной молодежи, ИЧП при ВУЦИК дал дорогу в жизнь и значительному отряду малокомпетентных в профессиональном отношении лиц, которые впоследствии оказывали негативное влияние на дальнейшее развитие (деградацию) отечественной подсоветской историографии, а также в целом обществоведения, насаждая в социогуманитарных дисциплинах и их вузовском преподавании дух воинствующего догматизма и интеллектуальной нетерпимости [20. С. 98].

Профессорско-преподавательская и научно-педагогическая интеллигенция УССР, а также массовый отряд работников умственного труда – учительство – были объектом перманентных репрессивных акций тоталитарного режима. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. И. Сталин в очередной раз педалировал тему "вредительства", как и десять лет назад, связав его с обострением классово-борьбы в стране. "Отца народов"

не удовлетворяли темпы и масштабы репрессий. Он призвал к усилению борьбы, построив впечатляющую своим человеконенавистничеством систему апологичных доказательств существования вредительства. "Настоящий вредитель, – подчеркнул он, – должен время от времени показывать успехи в своей работе, потому что это единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу". Итак, уже никакая, даже ударная работа не способна была гарантировать от возможных подозрений в "вредительстве" [22. С. 60]. Кремлевский вождь призвал участников пленума разбить и выбросить "гнилые теории", которые якобы существовали в партии, и среди них такие, которые непосредственно касались интеллигенции: во-первых, Сталин возразил, что систематическое выполнение производственных, в том числе и учебных, планов сводит на нет результаты "вредительства", во-вторых, он отметил, что бессмысленно утверждать отсутствие кадров "вредителей" и их резервов, в-третьих, назвал борьбу с "вредительством" одним из условий развертывания стахановского движения. По сути своей, это была директива, обязательная к исполнению, относительно дальнейших массовых репрессий против технической интеллигенции. Таким образом февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) открыл шлюзы для террора 1937 – 1938 гг. [22. С. 61 – 62].

По печальной традиции, репрессии в Украине происходили не только в русле общесоюзной борьбы с "троцкистами, диверсантами, шпионами" и т. п., но и под кровавым флагом "борьбы с национализмом". Понятно, что выявлять и уничтожать националистические элементы начали в первую очередь именно среди интеллигенции – и его многочисленного отряда – учительства и преподавательского состава высшей школы республики.

Итак, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. партийно-советское руководство Украины приложило значительные усилия, направленные на создание новой рабоче-крестьянской интеллигенции, в том числе и образовательной. Искаженный и гипертрофированный "классовый подход", положенный в основу формирования этой "новой интеллигенции", заменил систему профессионально-этических стандартов с общецивилизационных на декларируемые "классовые". Это действительно подтверждало, что сформировалась качественно новая интеллигенция, которая в корне отлича-

лась от своих предшественников как характером своей деятельности, так и общекультурным и образовательным уровнем, а также "экспресс-методами" своей подготовки.

Источники:

1. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 1267, оп. 1, спр. 50, арк. 25, 27

Литература:

2. Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 125 – 135.

3. Бондар А. Г. Курносов Ю. О., У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР. К.: Наук. думка, 1964.

4. Виговський М. Ю. Номенклатура системи освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. К.: Генеза, 2005.

5. Висовень О. Педагогічна інтелігенція в національно-культурному розвитку України (1920 – поч. 1930-х рр.): історіографія // Наук. записки з укр. історії Переяслав-Хмельницького держ. пед. ін-ту ім. Г. Сковороди. 1994. Вип. XIII. С. 116 – 118.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: В 56 т. М., 1930. Т. 28: Украинская ССР.

7. Даниленко В. М. Українізація: Здобутки і втрати (20–30-ті роки) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. К., 1992. Вип. 2. С. 79–91.

8. Касьянов Г. В. Українська інтелігенція 1920-х – 30-х років: соціальний портрет та історична доля. К.: Глобус, 1992.

9. Кафтанов С. Советская интеллигенция и ее задачи в новой пятилетке. М.: ГИЗ, 1947.

10. Кліцаков І. О. Партійне керівництво ідейно-політичним вихованням учительства (1917–1927 рр.) // У.І.Ж. 1988. № 3. С. 90–100.

11. Комаренко Н. В. Установи історичної науки в Українській РСР (1917–1937 рр.). К.: Наук. думка, 1973.

12. Курносов Ю. О., Бондар А. Г. У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР. К.: Наук. думка, 1964.

13. Ларин Ю. Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: ГИЗ, б. г.

14. Липинський В. В. Становлення і розвиток нової системи освіти в УСРР у 20-ті роки: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. 07.00.01 – Історія України / Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2001.

15. Лутченко А. И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР (1926–1958). Минск: Высшая школа, 1973.

16. Майборода В. К. Про становлення та розвиток вищої педагогічної освіти (1917 – 1928 рр.) // У.І.Ж. 1987. № 5. С. 96 – 102.

17. Марочко В., Хілліг Г. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). К.: Наук. світ, 2003.

18. Пастухов В. П. Научно-педагогические кадры высшей школы. – К.: Вища школа, 1983.

19. Ситніков О. П. Освіта в Українській СРР (1920-ті роки): історіографія: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2003.

20. Соловей В. Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87 – 98.

21. Соловей В. Д. Организация учебного процесса и подготовка кадров историков в Институте красной профессуры (1930–1938) // История СССР. 1986. № 6. С. 113 – 120.

22. Стрижак Є.М. Червона професура – радянська альтернатива „старій інтелігенції”. Черкаси: Черкаський ЦНТЕІ, 2007.

23. Тарапон О. А. Становище та діяльність літературно-мистецької інтелігенції України в умовах українізації (1923 – початок 1930-х рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1999.

24. Федюкин С. А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 17–31.

25. Хаїт І. Система радянської освіти: Підручник для вжитку в педагогічних вузах і для вчительства. Х.: Книгоспілка, 1927.

УДК 94(47)(4705)

ББК ТЗ(235ю55)5

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

Суржикова Н.В.

Екатеринбург

**ИСТОРИЯ УРАЛА В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ (XVIII —
СЕРЕДИНА XX ВВ.): К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ПЕРСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эго-документы, письма, мемуары, дневники, путевые заметки, идентичности, субъективности, контексты

АННОТАЦИЯ: В работе наряду с характеристикой теории эго-документа и подведением промежуточных итогов ее использования зару-